

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ

Представлены результаты исследования выраженности уровня посттравматического стресса, параметров психопатологического статуса и представлений о психологической безопасности у военнослужащих в возрасте 18–25 лет и гражданских лиц того же возраста. Проанализированы различия между молодыми людьми по уровню посттравматического стресса, выраженности психопатологической симптоматики и представлениям о психологической безопасности. Показано, что уровень посттравматического стресса и выраженность психопатологической симптоматики выше у молодых людей, проходящих военную службу по призыву, по сравнению с гражданскими лицами. В зависимости от уровня посттравматического стресса представления о психологической безопасности различаются у военнослужащих и гражданских лиц.

Ключевые слова: уровень посттравматического стресса, психопатологическая симптоматика, психологическая безопасность.

В психологии под травматическими принято понимать события, которые обладают сильным негативным воздействием, неся угрозу жизни или здоровью, как для самого человека, так и для его близких. Данные события не всегда могут вызывать *травматический стресс* как непосредственную реакцию на это событие, и, соответственно, не всегда приводят к последующим негативным явлениям, одним из которых выступает *посттравматический стресс*. В особых случаях последствия перерастают в посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

Однако существуют при этом факторы, которые усиливают, либо ослабляют симптоматику посттравматического стресса. Это давность травмы, возраст, физическое состояние респондента, а также особые социальные условия, в которых оказывается человек, например ситуации, строго регламентированных социальных ролей. Примером подобных условий является служба по призыву в армию, которая предполагает следование особым социальным нормам. Так, известно, что поведение военнослужащих строго регламентировано и подчиняется жесткой иерархии, приказы вышестоящих лиц не обсуждаются и подлежат неукоснительному выполнению, постоянно присутствует физическая и моральная напряженность, связанные с точным выполнением приказов, несением боевых дежурств и т.д.

Большинство психологических исследований, проведенных на выборке солдат по призыву, посвящено изучению психических заболеваний, проблемам буллинга и дедовщины. Также рассмотрены уровень тревожности, суицидальное поведение, временная перспектива личности, изучены факторы субъективного возраста, эмоциональное выгорание, копинг-поведение военнослужащих и другие психологические особенности в группах военнослужащих по призыву [1; 2; 6; 7; 12; 13; 14].

Ключевыми конструктами настоящего исследования стали: «*посттравматический стресс*», как психологические последствия влияния на человека стрессоров высокой интенсивности; «*психопатологическая симптоматика*», сопряженная с уровнем посттравматического стресса и представленная такими компонентами как «тревожность», «депрессия», «психотизм» и т.д.; «*психологическая безопасность*» и представление о ней обследуемой выборки, например, безопасность как самосохранение, как защищенность, как возможность обращения за помощью и др.;

Конструкт «психологическая безопасность» рассматривается с точки зрения представлений молодых людей о психологической безопасности, так как в представлениях отражаются особенности среды, в которой находится человек, что позволяет оценивать эти особенности, и в том числе, степень опасности, а также выявлять потребность личности в социальной поддержке [5].

Теоретическая гипотеза: у молодых людей, находящихся в условиях строгой регламентации социальных ролей, интенсивность переживания посттравматического стресса (ПТС), вызванного более ранними травматическими событиями, выше по сравнению с уровнем ПТС у гражданских лиц, причем при разном уровне посттравматического стресса представления о психологической безопасности имеют свою специфику.

Цель исследования – анализ различий в уровне посттравматического стресса и психопатологической симптоматики и изучение представлений о психологической безопасности у молодых людей, находящихся в разных жизненных обстоятельствах.

Исследовательские гипотезы:

1. Уровень посттравматического стресса и выраженность психопатологической симптоматики выше у молодых людей, проходящих службу по

призыву, по сравнению с этими же показателями у гражданских лиц.

2. Высокий уровень посттравматического стресса вызывают давние травматические события, связанные с потерей близких людей и/или угрозой их жизни и здоровью.

3. Представления о психологической безопасности у молодых людей с разным уровнем посттравматического стресса различаются, причем представления о психологической безопасности у военнослужащих и гражданских лиц с высоким уровнем ПТС также имеют свои особенности.

Участники исследования: мужчины в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20 лет), проходящие военную службу по призыву и прослужившие не менее половины регламентированного срока в войсковых частях Москвы и Московской области (призыв из Ростовской и Воронежской областей), всего – 123 человека и не проходящие срочную военную службу – 70 человек мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 18 лет), проживающие в Москве и Московской обл.

Методики исследования: 1) Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ) в адаптации Н.В. Тарабриной с соавторами; 2) Анкета психологической безопасности, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН Н.Е. Харламенковой с соавт.; 3) Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций – гражданский вариант (Mississippi Scale) в адаптации Н.В. Тарабриной с соавт.; 4) Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-r, Symptom Check List, L. Derogatis, 1983) в адаптации Н.В. Тарабриной с соавт.;

Результаты исследования

Для проверки гипотезы, о том, что строго регламентированные обстоятельства и вероятные трудности, с которыми сталкивается молодой человек, могут усиливать симптоматику не переработанного травматического опыта, был проведен анализ различий выраженности психопатологической симптоматики и уровня посттравматического стресса в группах военнослужащих и гражданских

лиц мужского пола, не служивших в армии.

Был выявлен более высокий уровень посттравматического стресса в группе военнослужащих ($U=3183$, $p=0,003$) и выражена психопатологическая симптоматика по шкалам «Обсессивность-компульсивность» ($U=2705$, $p=0,001$), «Межличностная сензитивность» ($U=3121$, $p=0,001$), «Депрессия» ($U=3050$, $p=0,001$), «Враждебность» ($U=3613$, $p=0,045$), «Психотизм» ($U=3450$, $p=0,015$) и общему индексу тяжести симптомов ($U=3404$, $p=0,011$). Полученные результаты подтверждают наше предположение, что служба в армии по призыву имеет статус особых социальных условий для переживания человеком посттравматического стресса.

Затем выборка военнослужащих ($N = 123$) была разделена на две подгруппы по уровню посттравматического стресса: «Т1» – группа с высокими значениями и «N1» – группа с низкими значениями по показателю Индекса травматизации (ИТ) методики LEQ (медианный критерий). В первую группу ($N = 66$) вошли респонденты со значениями по ИТ выше 1,7 баллов, во вторую группу ($N = 57$) – респонденты со значениями по ИТ ниже 1,7 баллов. Аналогично была разделена выборка гражданских лиц на группы: с высоким индексом травматизации «Т2» ($N = 31$) и группу с низким индексом травматизации «N2» ($N = 39$).

Сравнение подгрупп внутри исследуемых выборок показало, что более высокий уровень психопатологической симптоматики наблюдается у высоко травмированных респондентов. Если у гражданских лиц это обсессивность-компульсивность, тревожность, паранойяльные симптомы и психотизм, то у высоко травмированных военнослужащих кроме перечисленных выше шкал в отличие от гражданских наблюдаются высокие значения по шкале «Депрессия».

Анализ межгрупповых различий показал, что уровень посттравматического стресса и психопатологической симптоматики выше в подгруппе высоко травмированных военнослужащих по сравнению с аналогичной подгруппой гражданских лиц (рис. 1, 2).

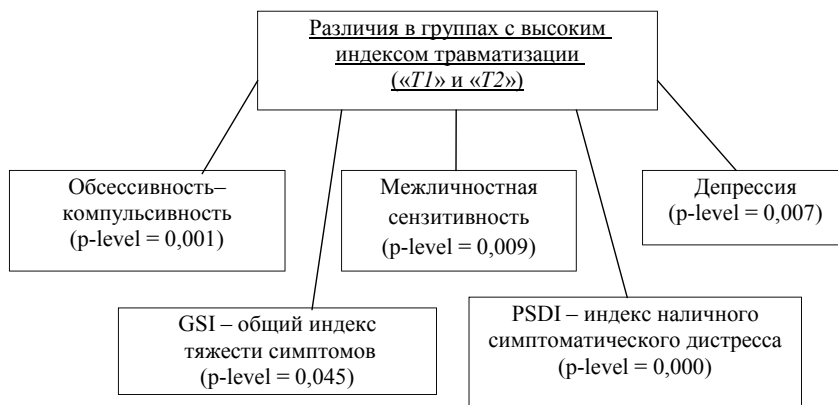

Рис. 1. Различия в группах с высоким индексом травматизации («Т1» и «Т2»)

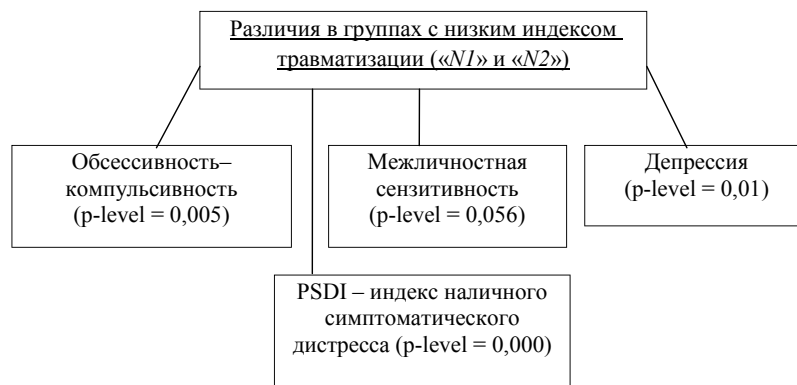

Рис. 2. Различия в группах с низким индексом травматизации («N1» и «N2»)

При обоих сравнениях обнаруживается триада признаков психопатологической симптоматики у военнослужащих с разным уровнем посттравматического стресса: обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность и депрессия. Эти особенности, вероятно, можно объяснить тем, что молодые люди находятся в постоянном и недобровольном контакте с группой людей того же возраста и пола, у них отсутствует возможность уединения и они не могут легко делиться своими переживаниями с окружающими их людьми, т.е. присутствует напряженность в межличностном взаимодействии, нередко переходящая в конфликты. По полученным результатам, можно сказать, что солдаты, даже спустя полгода службы по призыву, испытывают дискомфорт, связанный с общением, нуждаются в поддержке, особенно при высоком уровне посттравматического стресса, однако наличие компонента «Депрессия» скорее всего, препятствует активному поиску ресурсов совладания.

Следующая гипотеза исследования подразумевает анализ событий психотравматического характера, произошедших с респондентами в прошлом. Исследование характера психотравмирующих событий было проведено на основе данных полученных с помощью опросника LEQ. Оказалось, что для молодых людей наиболее психотравмирующими являются события прошлого, связанные с потерей или болезнью близких людей. Всего подобных ситуаций в картине жизни респондентов, было отмечено 117, часть которых (59 событий) вызвала высокий уровень ПТС. Также высоко травмируют трудные семейные обстоятельства: развод или разезд родителей. Всего ситуаций 93, из них 39 продолжают переживаться как высоко травмирующие.

Был оценен возраст молодых людей на момент потери или болезни близких: самый ранний – 4 года, самый поздний – 24 года. Максимально высокий уровень посттравматического стресса зафиксирован в случае, если потери произошли в возрасте от 12 до 19 лет. События воспитания вне семьи, развод родителей и т.д. также происходили в разном возрасте: от 1 года до 24 лет, однако по сравнению с предыдущим событием нельзя сказать, что вероятность появления ПТС связана

с определенным возрастным диапазоном: разброс по возрасту – от 5 до 17 лет.

Исследование различий в психотравмирующих событиях в группах военнослужащих с низким и высоким индексом травматизации (по LEQ) показало, что практически по всем ситуациям имеются значимые различия между солдатами с разным уровнем ПТС, причем наибольшая разница проявилась именно по ситуации «Серьезное заболевание, травмирование или смерть близкого родственника, известия об этом».

Согласно выдвинутой гипотезе представления о психологической безопасности у молодых людей с разным уровнем посттравматического стресса различаются, причем представления о психологической безопасности у военнослужащих и гражданских лиц с высоким уровнем ПТС также имеют свои особенности. Для понимания особенностей этих представлений с помощью Анкеты психологической безопасности оценены предпочтения в выборе слов-дескрипторов путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов с последующим расчетом верхних квартилей. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как наиболее предпочитаемые ассоциации. Также был проведен анализ различий в представлениях о психологической безопасности между группами с высоким и низким индексом травматизации.

Оказалось, что чаще всего молодые люди, проходящие военную службу по призыву, выбирали такие дескрипторы как «контроль ситуации» и «уверенность в себе». В группах с высоким и низким уровнем травматизации предпочтения расположились следующим образом: группа «N1» связывает безопасность с «самосохранением» и «надежными друзьями», а группа «T1» – с «надежными друзьями» и «здоровьем».

Факторный анализ наиболее частотных переменных (*Principal Component analysis*, PCA; Varimax Rotation) был проведен по 12 основным и 7 дополнительным переменным (табл. 1).

Получены три фактора, показывающие представления о психологической безопасности солдат

Таблица 1

Факторная структура представлений о психологической безопасности в группах военнослужащих с различным уровнем выраженности посттравматического стресса

№ фактора	группа «N1»	группа «Т1»
1	<i>Самосохранение</i> (собств. вес – 3,08; 31,4 % объясняемой дисперсии) «самосохранение» (0,82), «компетентность, ум» (0,73), «равновесие, стабильность» (0,72), «здоровье» (0,62).	<i>Доверие и надежные друзья</i> (собств. вес – 4,2; 22 % объясняемой дисперсии) «доверие» (0,75), «свобода» (0,73), «любовь» (0,73), «надежные друзья, верность» (0,67), «равновесие, стабильность» (0,65), «надежность» (0,62), «уверенность в окружении» (0,53).
2	<i>Доверие и надежные друзья</i> (собств. вес – 2,1; 14,6 % объясняемой дисперсии) «доверие» (0,83), «надежные друзья, верность» (0,82), «позитивное окружение» (0,80), «любовь» (0,7), «надежность» (0,64), «поддержка, помощь» (0,62), «уверенность в окружении» (0,62), «мудрость» (0,60).	<i>Самосохранение</i> (собств. вес – 2,2, 11,8% объясняемой дисперсии) «самосохранение» (0,73), «контроль ситуации» (0,71), «ответственность, долг» (0,70), «мудрость» (0,66).
3	<i>Уверенность в себе</i> (собств. вес – 1,8; 11,3 % объясняемой дисперсии) «уверенность в себе» (0,74), «физическая подготовка, сила» (0,72), «жизненный опыт» (0,67), «контроль ситуации» (0,65), «терпимость» (0,61).	<i>Здоровье</i> (собств. вес – 1,7; 8,9% объясняемой дисперсии) «здоровье» (0,76), «уверенность в себе» (0,65), «жизненный опыт» (0,64), «физическая подготовка, сила» (0,62), «терпимость» (0,54).

Таблица 2

Факторная структура представлений о психологической безопасности в группах гражданских лиц с различным уровнем выраженности посттравматического стресса

№ фактора	Группа «N2»	Группа «Т2»
1	<i>Контроль ситуации</i> (собств. вес – 6,41; 32,03 % объясняемой дисперсии) «контроль ситуации» (0,86), «жизненный опыт, опытность» (0,85), «надежность» (0,78), «физическая подготовка, сила» (0,765), «компетентность, ум» (0,764), «надежный спутник, опора» (0,762), «уверенность в себе» (0,70), «самопознание» (0,592), «владение информацией» (0,55).	<i>Поддержка, помощь</i> (собств. вес – 4,94; 26,01 % объясняемой дисперсии) «поддержка, помощь» (0,83), «надежность» (0,76), «уверенность в окружении» (0,72), «самосохранение» (0,72), «надежные друзья, верность» (0,70), «доверие» (0,65), «здоровье» (0,62); «надежный спутник опоры» (0,61); «позитивное окружение» (0,60); «защита, защищенность» (0,52).
2	<i>Поддержка, помощь</i> (собств. вес – 3,07; 15,4 % объясняемой дисперсии) «счастье» (0,89), «радость» (0,69), «позитивное окружение» (0,66), «самосохранение» (0,56), «поддержка, помощь» (0,54).	<i>Контроль ситуации</i> (собств. вес – 2,66; 14,03% объясняемой дисперсии) «уверенность в себе» (0,82), «жизненный опыт, опытность» (0,78), «компетентность, ум» (0,59), «физическая подготовка, сила» (0,55).
3	<i>Защита, защищенность</i> (собств. вес – 2,12; 10,6 % объясняемой дисперсии) «защита, защищенность» (0,89), «уверенность в окружении» (0,84), «надежные друзья, верность» (0,62).	<i>Поддержка родных</i> (собств. вес - 2,09; 10,98% объясняемой дисперсии) «поддержка мамы» (0,81), «поддержка отца» (0,75), «контроль ситуации» (0,57), «мудрость» (0,50).

с низким уровнем посттравматического стресса: 1 фактор – *самосохранение*; 2 фактор – *доверие и надежные друзья*; 3 фактор – *уверенность в себе*. И три фактора, показывающие представления о психологической безопасности молодых людей с высоким уровнем травматизации: 1 фактор – *доверие и надежные друзья*; 2 фактор – *самосохранение*; 3 фактор – *здоровье*. В группе с низким уровнем посттравматического стресса фактор «самосохранение» сопряжен с интеллектуальными способностями, здоровьем, равновесием и с использованием когнитивных навыков, а молодые люди с высоким уровнем посттравматического стресса фактор «самосохранение» связывают с контролем ситуации, с ответственностью и долгом.

Аналогично, проанализированы представления о психологической безопасности в группах с разным уровнем психотравматизации среди

гражданских лиц. По сравнению с данными военнослужащих в выборке гражданских лиц «самосохранение» имеет более низкие ранги. Причем травмированные люди также ориентируются на помощь других людей (надежный спутник, опора) и одновременно на себя (уверенность в себе). Таким же образом, как и в группе гражданских лиц, был проведен факторный анализ (табл. 2).

Сравнение двух групп респондентов с высоким уровнем ПТС по выделенным факторам (критерий Манна-Уитни) выявило различия по переменным, коррелирующим с 1 фактором: «доверие» ($U=957,0$; $p\text{-level}=0,028$); «надежные друзья, верность» ($U=1021,0$; $p\text{-level}=0,07$) и по переменным, которые коррелируют со 2 фактором: «уверенность в себе» ($U=807,0$; $p\text{-level}=0,018$).

Из полученных результатов видно, что группа с низким уровнем психотравматизации ориенти-

рована на себя при поиске ресурсов безопасности в отличие от группы с высоким уровнем, которая в большей степени надеется на помощь и поддержку со стороны (надежные друзья, позитивное окружение, надежный спутник и т.д.)

Если в группе «Т1» военнослужащих по призыву респонденты выделяют чувство доверия и ощущение свободы, то у травмированных гражданских лиц первый фактор в первую очередь ассоциируется с поддержкой, надежностью, доверием. Ощущение свободы для них скорее не ограничено, поэтому не имеет такой важности, как в группе военнослужащих.

По полученным результатам, можно сделать вывод о том, что гипотезы настоящего исследования подтвердились.

Выводы:

1. Уровень посттравматического стресса и выраженность психопатологической симптоматики выше у молодых людей, проходящих военную службу по призыву, по сравнению с гражданскими лицами.

2. Наиболее психотравмирующими являются события, связанные с известиями о травмах, смерти и заболеваниях близких, а также семейные обстоятельства воспитания самого человека. Респонденты с высоким уровнем посттравматического стресса сильнее переживают подобные события по сравнению с респондентами с низким уровнем психотравматизации.

3. В зависимости от уровня посттравматического стресса представления молодых людей о психологической безопасности различаются у военнослужащих и гражданских лиц.

Библиографический список

1. *Боенко А.В.* Суицидальное поведение военнослужащих срочной службы и его предупреждение: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1993. – 252 с.

2. *Громов Д.В.* Изменение психологических характеристик личности в процессе прохождения процедур инициационного типа: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2002. – 125 с.

3. *Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е.* Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 3. – С. 15–27.

4. *Дымова Е.Н.* Специфика связи психологической травматизации и психологического благополучия у военнослужащих // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 26–28 сентября, 2013. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – Т. 2. – С. 176–179.

5. *Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы

психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 5–21.

6. *Квасова О.Г.* Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2013. – 214 с.

7. *Сергиенко Е.А.* Роль субъективного возраста в регуляции жизнедеятельности // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 50–83.

8. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса: Теория и практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 304 с.

9. *Харламенкова Н.Е.* Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 141–160.

10. *Харламенкова Н.Е.* Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 133–159.

11. *Харламенкова Н.Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции / Н.Е. Харламенкова, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Быховец, О.А. Ворона, Н.Н. Казымова, Е.Н. Дымова, Н.Е. Шаталова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С. 106–134.

12. *Börjesson M., Österberg J., Enander A.* Risk and safety attitudes among conscripts during compulsory military training // *Military Psychology*. – 2011. – Vol. 23 (6). – Nov. – P. 659–684.

13. *Larsson G.* Personality, appraisal and cognitive coping processes, and performance during various conditions of stress // *Military Psychology*. – 1989. – Vol. 1 (3). – P. 167–182.

14. *Stefanis N.* Factorial composition of self-rated schizotypal traits among young males undergoing military training / N. Stefanis, N. Smyrnis, D. Avramopoulos et al. // *Schizophrenia Bulletin*. – 2004. – Vol. 30 (2). – P. 335–350.

References

1. *Boenko A.V.* Suicidal'noe povedenie voennosluzhashchih srochnoj sluzhby i ego preduprezhdenie: diss. ... kand. psihol. nauk. – М., 1993. – 252 с.

2. *Gromov D.V.* Izmenenie psihologicheskikh harakteristik lichnosti v processe prohozhdeniya procedur iniciacionnogo tipa: diss. ... kand. psihol. nauk. – М., 2002. – 125 с.

3. *Dymova E.N., Tarabrina N.V., Harlamenkova N.E.* Psihologicheskaya bezopasnost'

i travmaticheskij opyt kak modulyatory poiska social'noj podderzhki v trudnoj zhiznenoj situacii // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – T. 36. – № 3. – S. 15–27.

4. Dymova E.N. Specifika svyazi psihologicheskoy travmatizacii i psihologicheskogo blagopoluchiya u voennosluzhashchih // Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: materialy III Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. Kostroma, 26–28 sentyabrya, 2013. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. – T. 2. – S. 176–179.

5. ZHuravlev A.L., Tarabrina N.V. Psihologicheskaya bezopasnost': na puti k kompleksnym, mezhdisciplinarnym issledovaniyam // Problemy psihologicheskoy bezopasnosti / otv. red. A.L. ZHuravlev, N.V. Tarabrina. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012. – S. 5–21.

6. Kvasova O.G. Transformaciya vremennoj perspektivy lichnosti v ehkstremaal'noj situacii: diss. ... kand. psihol. nauk. – M., 2013. – 214 c.

7. Sergienko E.A. Rol' sub"ektivnogo vozrasta v reguljacii zhiznedeyatel'nosti // Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie / otv. red. A.L. ZHuravlev, E.A. Sergienko, N.V. Tarabrina, N.E. Harlamenkova. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016. – S. 50–83.

8. Tarabrina N.V. Psihologiya posttravmaticheskogo stressa: Teoriya i praktika. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2009. – 304 c.

9. Harlamenkova N.E. Predstavlenie o psihologicheskoy bezopasnosti: vozrastnoj i lichnostnyj komponenty // Sovremennaya lichnost': Psihologicheskie issledovaniya / otv. red. M.I. Volovikova, N.E. Harlamenkova. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012. – S. 141–160.

10. Harlamenkova N.E. Lichnostnaya bezopasnost' i strategii ee dostizheniya // Problemy psihologicheskoy bezopasnosti / Otv. red. A.L. ZHuravlev, N.V. Tarabrina. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012. – S. 133–159.

11. Harlamenkova N.E. Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: implicitnaya i ehksplicitnaya koncepcii / N.E. Harlamenkova, N.V. Tarabrina, YU.V. Byhovec, O.A. Vorona, N.N. Kazymova, E.N. Dymova, N.E. SHatalova. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. – С. 106-134.

12. Börjesson M., Österberg J., Enander A. Risk and safety attitudes among conscripts during compulsory military training // Military Psychology. – 2011. – Vol. 23(6). – Nov. – P. 659–684.

13. Larsson G. Personality, appraisal and cognitive coping processes, and performance during various conditions of stress // Military Psychology. – 1989. – Vol. 1(3). – P. 167–182.

14. Stefanis N. Factorial composition of self-rated schizotypal traits among young males undergoing military training / N. Stefanis, N. Smyrnis, D. Avramopoulos et al. // Schizophrenia Bulletin. – 2004. – Vol. 30 (2). – P. 335–350.